

Елеонский Владилен

# Ошибка стюардессы

Человеческий фактор

16+

**Владилен Елеонский**  
**Ошибка стюардессы.**  
**Человеческий фактор**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=39146282](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39146282)*

*SelfPub; 2018*

*ISBN 978-5-5321-1509-5*

**Аннотация**

Молодая симпатичная стюардесса приходит в гражданскую авиацию только затем, чтобы выйти замуж за пилота и красиво устроиться в жизни, однако вместо воплощения мечты пилот-любовник становится врагом, а во время нештатной ситуации на борту она вдруг проявляет способности, о которых даже не подозревала, и меняет первоначальную жизненную позицию.

# Содержание

Пролог	4
Глава первая	21
Глава вторая	31
Глава третья	40
Глава четвертая	53
Глава пятая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

# Пролог

Варикозное расширение вен, опущение внутренних органов, приводящее к бесплодию, забывчивость, поскольку постоянное пребывание на высоте сказывается на сосудах, повышенное радиационное излучение, в особенности в полетах над Атлантикой, и горькое осознание того, что мужчины-летчики вовсе не какие-то там особенные, – вот с чем рано или поздно сталкивается каждая бортпроводница. Конечно, есть среди пилотов орлы, причем не только в кабине лайнера, но и по жизни, однако как и среди всех других мужчин, это скорее исключение из правила, чем само правило. В общем, работа стюардессы – не сахар, и хотела бы я посмотреть в глаза тому, кто первым придумал брать женщин в качестве бортпроводников!

Гробиться на этом романтическом поприще я, естественно, не желала и пришла в авиацию лишь для того, чтобы понравиться пилоту, который понравится мне. Нет, крутить романы в небе, как некоторые дуры, я не собиралась. План был простой – замуж, только замуж, и прощай, неблагодарная работа, когда высоколобому начальству наплевать, а дураки-пассажиры всегда правы.

Можно ли представить что-то более абсурдное, когда триста с лишним человек мало что добровольно, так еще и за

приличную плату, садятся в комфортабельную керосиновую цистерну емкостью несколько десятков тонн и позволяют поднимать себя в ней на высоту десять тысяч метров, чтобы потом с этой высоты плюхнуться на бетон выпущенными из цистерны колесами, и весь этот балаган называется полетом. Нет, никаких иллюзий по поводу пассажирских авиаперевозок я не питала, каких-либо мало-мальски романтических чувств к небу под крылом керосинки не испытывала и тянула свою лямку бортпроводника как ломовая лошадь, желая лишь одного, – понравиться ломовому жеребцу, чтобы рожать и выхаживать в уютной конюшне его милых жеребят, а не потеть на семижильной работе, ежедневно рискуя разбиться вдребезги и сгореть.

Нас многому учили, мучили изнурительными тренировками, пичкали различного рода информацией, девяносто процентов которой мне никогда негодились, но не научили самому главному, – как быть чутким и внимательным к пассажиру, если он раздражает тебя еще до того, как взшел по трапу на борт. Ах, что они, сволочи, творят!

Цинизм, тупая бравада, сальные шуточки, которые достают тебя до самых печенок, а еще непомерное питье алкоголя и плотские утехы под пледом с первой подвернувшейся в салоне более или менее смазливой бабой. А мы, дуры, сами пледы им раздаем, чтобы они, бедненькие, не замерзли, и терпим все их безобразия, потому что инструкция!

Вот почему не проходит и десяти рейсов, как самые ум-

ные из нас ставят между собой и пассажиром железобетонную стену или устанавливают заоблачную дистанцию, и все для того, чтобы он без нервотрепки и дурацких вопросов, за которые его иногда просто хочется прибить мухобойкой как назойливую мошку, занял свое место в салоне, сидел на нем смирно и больше не рыпался. Чем больше ты проявляешь так называемой чуткости, тем больше тебе садятся на шею, да еще погоняют своими мерзкими пятками, на которых почему-то всегда болтаются донельзя вонючие носки, и после рейса ты превращаешься в мокрую от слез грязную двадцатитрехлетнюю тряпку.

Для женщины возраст двадцать три года, – это возраст создания семьи, и кто меня осудит за то, что мне было плевать на официальную карьеру, потому что я знала, что ничего кроме опустошения и инвалидности она не принесет, и потому делала ставку на карьеру неофициальную, – стать женой пилота, а еще лучше олигарха, ненароком забредшего в наш А-320, что впрочем было менее вероятно, хотя в принципе все-таки возможно. В нашей смене все завидовали старшему бортпроводнику Рите Началовой. Замечательная женщина! Красивая как стерва и спокойная как танк. Ей было сорок с хвостиком, а выглядела она как девятнадцатилетняя, – мечта любого юноши.

Двадцать лет назад Рита по-доброму улыбнулась худосочному носатому пассажиру первого класса с недельной щетиной на небритых щеках, он был в каком-то затертом до

невозможности свитере, который, наверное, связала его отцу его бабушка. Он запал на нее, а она что-то в нем такое почувяла и не ошиблась. Через пару лет замухрышка стал рублевым миллиардером, вхожим в правительственные круги.

Она быстро нарожала ему детишек, а затем развелась, сорвав с бракоразводного процесса солидный куш. Теперь у нее все есть, и снова летать она стала лишь для того, чтобы не скучать в своем шоколадном особняке на Рублевке. С помощью своих друзей выбирает подходящий эстафетный рейс и вперед. В Амстердам – развлечься, в Лондон и Нью-Йорк – за покупками, а на Канары или Мальдивы – просто тупо отдохнуть от мегаполиса.

Эстафета – это когда мы прибываем на место и не улетаем сразу, а ждем прилетевших пассажиров на обратный рейс, и ожидание это может длиться неделю или даже две. Красотища и прелесть! Особенно если место курортное и сезон горячий, тогда только не забыть купальник с собой взять и солнцезащитный крем.

Во время полета Рита ничего не делала, только раздавала ценные указания и едкие замечания, поэтому мы не только завидовали ей, но еще плюс ко всему прочему не любили. Правды ради следует сказать, что нелюбовь наша была довольно относительной, потому что Рита брала с собой на эстафету тех, кто ей нравился, а это, как правило, вся наша смена в полном составе, то есть именно благодаря ей, собственно говоря, сложился наш сплоченный женский коллек-

тив, и самым страшным для нас дисциплинарным взысканием являлся ее приговор: «Слушай, подруга, а в следующую эстафету я тебя, кажется, не возьму».

Меня она раскусила сразу.

– Держись подальше от пилотов.

– А что такое?

– Подленькие и жадные. Я сама буду носить им кофе!

– Да зачем вам напрягаться, Маргарита Александровна?

У вас своих дел по горло!

– Для тебя стараюсь, дурочка, плакать потом будешь, да поздно будет!..

Я, конечно, ей не поверила, не для меня, а для себя она старалась, потому что знала, – фаворитка командира корабля или даже второго пилота выйдет из-под ее жесткого контроля и, не дай бог, составит конкуренцию, а Рита Началова привыкла властвовать в своей смене спокойно и со вкусом.

Поднести кофе, значит, вступить в непринужденное общение с пилотами, а мою внешность Рита оценила сразу, фавориткой я могла стать с первого, как говорится, раза. Что ж, и на этом ей спасибо, – пусть замысловатый, но, тем не менее, в мой адрес от нее комплимент.

Вскоре, однако, несмотря на мощный заслон, а бюст и фигура у Началовой в самом деле были впечатляющими, Венера Милосская позавидовала бы, меня заметил командир корабля и пригласил в ресторан. Там под звуки вальса он щедро угощал деликатесами и поил французским вином, на-

прочь развеяв Ритин миф о жадности пилотов, а когда почувствовал, что я дошла до кондиции, пригласил в номер встречать рассвет – на юге Франции они просто восхитительны!

– Только после свадьбы.

Таков был мой жесткий ответ, и он ошарашенно округлил глаза.

– Так у тебя что, никого до сих пор не было? Двадцать три года, и никого?..

Я резко поднялась из-за стола и, слегка пошатываясь от выпитого, приблизилась к нему. Он с интересом и надеждой вскинул на меня свои ясные глаза.

Я похлопала его ладошкой по летным нашивкам на плече, наклонилась к самому уху и довольно сексуально, как мне тогда показалось, прошептала на ухо одними губами:

– Козел ты!..

Он просто обалдел, а я гордо удалилась, завлекательно покачивая своими несколько худыми как мне до сих пор кажется бедрами. Всю оставшуюся ночь он ломился ко мне в номер, однако я не открыла, накрыв голову увесистой пухлой подушкой.

Пришлось все рассказать Началовой, поскольку теперь я не могла спокойно работать в смене с этим пилотом. Она как мудрая фея из немецкой сказки покачала в ответ головой.

– А я тебе говорила, Лена, ох, говорила, но ты шишки в паху себе решила все-таки набить. Командир-то наш герой!

У него жена на сносях, на девятом месяце, а он туда же, к теплой бабьей груди, как младенец к соску. Пусть чужая грудь, да молока-то хочется! Отбить бы им их место палкой так, чтобы на чужих баб, – ни-ни! Есть такой волшебный дрын?

– Неужели все так плохо?

– Девять из десяти будут пользоваться тобой как практически бесплатной проституткой, обещая золотые горы, потому что прекрасно знают, чего ты на самом деле хочешь. А им свадьба не нужна, им нужен релакс после изнуряющего рейса, вот и все. Завтра будет другой рейс и другая смена, значит, стюардесса у него в номере будет спать другая, таких молодых дур, как ты, навалом, и куда только отдел кадров смотрит, и чему только на учебных курсах учат? Наверное, кому-то такая обстановка выгодна, потому как крючок это, и легко на нем пилотов держать, чтобы они пили и бортовыми бабами утешались, а не права работодателю качали. Соображаешь?

– Скажи, Рита, а что мне теперь делать?

– Если пообещаешь, что к пилотам на пушечный выстрел не подойдешь, я все улажу.

Пришлось пообещать, и больше наша смена с этим командиром корабля не пересекалась. Рита – настоящая волшебница!

Дальше все продолжилось в том же духе. Всегда находились летчики, которые хотели утешиться, однако я была тверда как скала, не позволяя им даже называть себя по

имени, а уж уменьшительно или, того хуже, уменьшительно-ласкательно, – вообще, скандал. Будьте добры вот так: «Бортпроводник Шакурова», и все. Ресторан? Мне в ресторан нельзя, у меня гастрит! Погулять под луной? Меня от луны тошнит! Встретить рассвет? Крепкий сон в своей постели гораздо более полезен для здоровья! В общем, примерно так я стала себя вести к великому удовольствию Началовой.

Короче говоря, рухнула моя мечта, едва, как говорится, оторвавшись от взлетно-посадочной полосы. Эдакий сдвиг ветра, только в моей личной жизни.

Мое убеждение, что нет такого мужчины, которого настоящая женщина не смогла бы превратить в верного песика, дало трещину. Я поставила на пилотах большой жирный крест, однако надежда, как говорится, умирает последней, и я стала присматриваться к пассажирам первого класса.

Как назло, все они были никакими. «Здравствуйте, благодарю, до свидания», – вот и все, что я от них слышала. Многие просто отсыпались перед теми ответственными встречами, на которые летели, даже напитки и обед не просили. Вот досада!

Зато с пассажирами эконом-класса у меня начались бурные отношения. Одни доставали хамством, другие высокомерным поведением, третьи пили как ненормальные, а потом устраивали дебош. Один раз я по глупости полезла сажать такого орла на место, а он врезал мне локтем прямо в лицо, на две недели безнадежно испортив мою визитную

фотокарточку.

Проще всего было с иностранцами, они всегда улыбались, благодарили, подбадривали, а вот со многими нашими приходилось туго. Купив тур в Египет за двадцать тысяч рублей, они начинали гнуть пальцы так, как будто оказались в фешенебельном парижском ресторане.

После каждого рейса Началова делала мне замечания.

– Ты вела себя недопустимо.

– Почему? Я поставила хама на место!

– А если его кто-то надоумит, и он жалобу напишет? Думаешь, начальство будет разбираться? Как бы не так! Смотри, Ленка, последнее тебе китайское предупреждение.

Этих предупреждений у меня набралось с десятков, и наши теплые отношения с Ритой, едва сложившись, вдруг разбились как две китайские фарфоровые чашки, и теперь ничего нельзя было восстановить, – не склеивать же осколки!..

Началова почему-то тянула время, наверное, обаятельной все-таки я была девчонкой, и ей было жалко расставаться со мной, я умела слушать ее рассказы в часы досуга и поддерживать вниманием, потому как несмотря на весь ее достаток несладко ей жилось одной в своем замке, а в мужчинах она давно и бесповоротно разочаровалась. Тем не менее, я хорошо понимала, что долго так не протяну, пусть полгода, год, но обязательно сорвусь на очередном придурке, который попросит посмотреть, в порядке ли его собачка, которая летит с багажом [ага, сейчас выйду на высоте десять тысяч метров

из пассажирского салона наружу и пойду в багажное отделение!], и тогда все, Рита не выдержит.

Неожиданно все поменялось, когда мы стали летать с командиром Анатолием Глебовым. Рите кто-то в управлении посоветовал его, и она, умница, последовала совету.

Таких мужчин я еще не встречала. Многие бортпроводники хотели летать с ним, и в том, что Глебов практически постоянно стал летать только с нашей сменой, была, конечно, заслуга Началовой, она подключила на полную катушку все свои связи и устроила нам настоящий праздник.

Глебов каким-то совершенно непостижимым образом умел создать простую, душевную и, я бы даже сказала, семейную обстановку. Как ему удавалось, до сих пор не могу понять, ничего в нем не было такого особенного, – коренастый мужичок с животиком и рельефным словно вырубленным из дерева красным лицом. Если бы я встретила его где-нибудь в супермаркете, то, наверное, приняла бы за грузчика.

В отличие от тех пилотов, которых я знала до него, он никогда никуда не спешил, всегда думал прежде чем что-либо сказать, был мудр как шаман, добр как любящий отец и весел как ребенок. Все наши девочки сразу влюбились в него по уши, однако любовь была сугубо платонической, все знали, что Глебов обожает свою жену, учительницу русского языка, имеет двух взрослых сыновей, каждый из которых пошел не по стопам отца, а осознанно выбрал свою стезю, и трех вну-

ков, один родился совсем недавно.

Даже самая отъявленная стерва не смогла бы вклиниться в этот семейный рай, однако все не бывает хорошо. Поговаривали, что в молодости и у образцового семьянина Глебова были проблемы, и спал он в гостиницах с какой-то смазливой стюардессой, когда жена ушла, не выдержав стресса.

Многие понять не могут. Тем не менее, это так, – быть женой летчика непросто, если ты на самом деле любишь мужа, потому что каждый полет несет с собой неизвестность, и никто не знает, что может произойти.

Все у Глебова было, ничто человеческое ему было не чуждо, однако прошло и как-то наладилось. Видимо, были у нашего уважаемого командира природная мудрость, а еще тот самый стержень, который делает мужчину мужчиной, – уважение к женщине-матери. Если бы все наши дорогие мужчины видели в каждой женщине и девочке мать, то тогда многие из проблем, которые они сами себе создают, просто растворились бы в зародыше. Не случайно, наверное, у всех народов, как я недавно узнала на экскурсии в Британском музее, первым и древнейшим культом был культ матери. Женщина – мать настоящая или будущая, поэтому она всегда главнее, однако многие мужчины, к сожалению, никак не могут этого понять и разбивают себе лоб.

Затишье в моей личной жизни разом прекратилось, когда вместе с Глебовым вторым пилотом стал практически постоянно летать Артем Ясенев. Все мое унылое существование

растаяло как дым!

Он понравился мне с первого взгляда, – молодой, с густой шевелюрой и правильными чертами лица, высокий, стильный, подтянутый и сосредоточенный. Выражение лица у него было, как правило, какое-то странно задумчивое, он был больше похож на поэта, чем на летчика, и глаза у него были необычайно красивые.

Сердце мое затрепетало, но я помнила данное Началовой обещание, держалась от пилотов подальше, старалась выполнять свои обязанности так, чтобы не пересекаться с ними, но, о, ужас, тем не менее, очень скоро они обратили на меня внимание и пожелали познакомиться, по крайней мере, Глебов точно пожелал.

Обычно когда второй пилот отлучался из кабины, его место занимала Началова, так было положено по инструкции, – один пилот в кабине никогда не должен был оставаться. В рейсе на Нью-Йорк обязательная по инструкции подмена произошла по-другому. Мы летели над Атлантикой, когда Глебов вдруг пожелал, чтобы место отлучившегося по необходимости Ясенева заняла я.

Как Началова ни упиралась, все было бесполезно.

– Рита, ты лучше мне кофейку принеси из моего термоса.

– Хорошо, Анатолий Алексеевич!

Началова, скрипя зубами, ушла за кофе, а я погрузилась в мягкое кресло второго пилота. Глебов сидел в командирском кресле слева от меня.

– А где штурвал?

– Нет штурвала, есть сайдстик – боковая ручка управления самолетом, видишь, справа от тебя?

– Вижу. А у вас она есть?

– Конечно! Вот она, слева от меня.

– А это что?

Я указала на массивные широкие рычаги, возвышавшиеся между креслами пилотов, они были, пожалуй, самой заметной деталью на всем пульте управления.

– Это рычаги управления тягой двигателей. Сейчас среднее положение, если вперед сдвинуть, значит, будет полный газ.

Я по-хозяйски положила ладонь на гладкую поверхность рычагов.

– А если вниз, то тогда тяга сбросится?

– Да.

– Компьютер, экраны, дисплеи, – все понятно, а это что такое?

Я указала на светлые ручки над главным дисплеем, каждая из них была похожа на ручку управления громкостью на корпусе старинного радиоприемника. Глебов с готовностью стал поочередно трогать ручки указательным пальцем.

– Это ручка направления, с ее помощью устанавливается курс, это ручка высоты, а это ручка скорости. Курс измеряется в градусах, всего триста шестьдесят градусов, высота – в футах, а скорость – в узлах.

Я расслабленно откинулась на удобную спинку.

– Да здесь вообще все просто! Спать можно. Тем более, есть автопилот.

Глебов как-то странно посмотрел на меня.

– Просто? Хорошо, бери управление самолетом на себя.

Отключаю автопилот!

– А где вы его отключаете?

– Да вот здесь, видишь, красная кнопка на сайдстике.

– И что?

– Автопилот я отключил, теперь ты управляешь самолетом! Видишь табло над ручкой направления?

– Вижу.

– Какая там цифра?

– Триста.

– Вот и держи ее.

– А высота и скорость?

– С этим особых проблем нет, сейчас атмосферная обстановка хорошая, турбулентности нет, они сами держатся, если сайдстик не ворочать. Сейчас главное – курс, видишь, он постепенно сбивается.

В самом деле прошло несколько секунд, и цифры на табло, указывавшем курс, стали меняться. Двести девяносто девять, двести девяносто восемь...

– Видишь?

– Вижу. Забирает влево!

Глебов снова как-то странно посмотрел на меня.

– А ты молодец, схватываешь налету. Что надо делать?

– Наверное, вот так.

Я нежно обхватила пальцами сайдстик и плавно повернула ручку по оси чуть вправо. Двести девяносто семь, двести девяносто восемь, двести девяносто девять... триста!

– Теперь она у меня с места не сдвинется. Гарантирую! Курс триста, милый мой самолетик, и ни градусом больше, ни градусом меньше.

Мохнатые брови Глебова слегка приподнялись. Наверное, он не ожидал, что я так скоро все пойму.

Началова принесла кофе. Глебов пил и с нескрываемым интересом поглядывал на меня. В этот момент в кабину вошел Ясенев, и командир повернулся к нему.

– Посмотри, Артем, что она вытворяет! Автопилот, между прочим, выключен.

Краска прилила к моему лицу, так на меня подействовало присутствие Артема, однако в следующую секунду я сумела взять себя в руки. Ясенев минуту наблюдал, как я спокойно выдерживаю заданный курс, и покачал головой.

– Я так смог только после месяца тренировок. У девочки явные задатки!..

Глебов снова включил автопилот. Я поднялась и с деланно холодной улыбкой посмотрела на Ясенева. Он производил на меня неотразимое впечатление, и я боялась, что мой язык, который прилип к небу в его присутствии, не отлипнет, однако, слава богу, все обошлось.

– Да ладно! – небрежно сказала я. – Просто мой папа – фанат авиасимуляторов. В детстве вместо того, чтобы играть в куклы, я сутками сидела с ним за компьютером и ворочала джойстик. Приятного дня!

Я спокойно удалилась, гордо покачивая бедрами и лопатками чувствуя на себе изумленные взгляды пилотов, а у Началовой, как я успела заметить краем глаза, отвалилась челюсть. В переносном смысле, конечно.

Однако мои надежды на то, что этот случай переменит ко мне отношение Артема, не оправдались. Он по-прежнему был холоден и совершенно не замечал меня. Больше всего меня бесил его эмоциональный лед. Я точно знала, что ни один мужчина не сможет пройти мимо меня и остаться равнодушным, а он мог.

Как бы описать мою внешность... Если вы видели на фотографиях или по телевизору Жаклин Кеннеди, тогда вам будет нетрудно меня представить, только я чуть выше, волосы у меня золотисто-светлые, а черты лица мягче, более округлые, что ли. Мама так и звала меня с самого детства – Моя Куколка Джеки.

Что скажете, мужчины? Вы могли бы так просто пройти мимо такой девушки? А Ясенев, повторяю, мог.

Он казался мне бездушным снежным красавцем. А может он разочаровался в женщинах или хуже того, вообще никогда ничего к ним не испытывал?

Я терялась в догадках, кусала губы, срывала зло на пасса-

жирах, – форменные придурки попадались почти в каждом рейсе, – и катилась по наклонной вниз. Никто не мог мне помочь, и я точно знала, что еще один рейс, может быть, два, и меня снимут с полетов.

Началова ясно дала понять, что ее терпение переполнилось. Я-то знала истинную причину!..

Ритка стала мне завидовать. Мне?.. Она?!.. Да.

Началова не желала терпеть конкуренции, а Глебов стал благоволить ко мне и неизменно приглашал в кабину только меня, а Началова подносила нам кофе. Такого Рита, конечно, стерпеть не могла и теперь только ждала случай, чтобы расправиться со мной.

Я смирилась со своей участью, что ж, видимо, так суждено, и не видать мне красивой жизни вовек. Пилоты, наверное, все-таки не мое амплуа. Не знаю, чем бы все закончилось, если бы вдруг к нам на борт не явилась палочка-выручалочка.

Я до сих пор благодарна Вике Золотовой, что она вовремя забеременела и поэтому ушла в декрет. Впрочем, обо всем следует рассказать по порядку.

# Глава первая

Видимо, его чуть приподнятые густые брови, очаровательная улыбка, прямой взгляд, отдаленная схожесть с моим отцом в молодости, спортивное тело, аккуратная едва заметная модная бородка, а также красный галстук, в то время как все пилоты носили голубые, сделали свое дело. Не знаю, почему ему было позволено нарушать форму одежды, принятую в нашей доблестной авиакомпании, – он всегда носил красный галстук. Если бы у него еще было чувство юмора, я была бы сражена окончательно и наповал, но проверить, есть ли оно у него, не представлялось никакой возможности, мы практически не общались ни во время полетов, ни после.

Я не просто влюбилась, я вдруг почувствовала, что влечение к Ясеневу стало переходить в манию. Со мной стали происходить какие-то явно жутковатые вещи.

К примеру, мне стало казаться, что пассажиры видят меня совершенно голой. Я иду по проходу, как обычно, в пилотке, юбке и жакете, а они видят меня так, словно я предстала перед ними вообще без одежды. Вначале я подумала, что пройдет, это всего лишь случайная мысль, но нет, странное чувство стало повторяться с завидной регулярностью, причем только в салоне самолета и нигде больше.

Я пошла к психологу, – респектабельному очкастому пар-

ню, обложенному умными книгами. Огромный портрет Зигмунда Фрейда висел в его офисе у него за спиной. Папаша Фрейд с доброй улыбкой смотрел на меня со стены, как будто говорил: «Чем красивее женщина, тем больше у нее проблем». Очкарик-псих долго меня слушал, смаковал детали, а затем дал мне совет, который я беспрекословно выполнила.

Когда мне снова показалось, что пассажиры смотрят на меня так, как будто я голая, я наклонилась к первому попавшемуся бордовому усатому дядьке, похожему на строителя-бульдозериста.

– Скажите, а со мной что-то не так?

Он изумленно округлил глаза.

– Да вы что! Вы же богиня, богиня, говорю я вам. Коньячку не нальете?

Ф-фух! Как и предупреждал мой очкарик, у меня в самом деле как будто занавеска в мозгу опала.

Да, конечно, они все пялятся на меня, однако не обо мне думают, черт побери! Стало просто смешно. Странное чувство отпустило, больше мне не казалось, что пассажиры с изумлением смотрят на меня так, словно я голая, однако одержимость Ясеныным осталась.

Я рисовала счастливые картины нашей совместной жизни, – он носит меня на руках, а я рожаю ему детей, однако действительность выглядела совсем по-другому. Вечно задумчивый Артем Яснев, кажется, думал только о самолетах.

В один из дней, когда мы убирали салон после очередно-

го тяжелого перелета через Атлантику, все вымотались настолько, что быстрее свернули уборку и ушли спать, а я задержалась на минуту. Дикое бешенство овладело мною.

Я готова была рвать зубами проклятые кресла и грызть подлокотники, а в иллюминатор запустить свою только что купленную в Париже туфельку на высокой шпильке. Злоба неудержимым потоком хлынула наружу!

Скинув надоевшие туфли и широко расставив ноги, я как жрица на древнегреческих вакханалиях воздела руки к тускло светившим лампочкам салона.

– Долбаная керосинка, скажи, почему он любит тебя, а не меня?!

Водитель автомобиля, который подвозит трап, дежурил внизу. Услышав крик, он пулей влетел в салон с распахнутыми глазами и, увидев меня, остановился.

– А, это ты!.. А чего орешь как резаная?

– Да так, кое-что в кишечнике накопилось.

Он разинул рот от удивления, и я, развернув обертку, нежно положила ему на язык немецкий фирменный леденец. Так заботливая мама-птица кладет в рот сладкую гусеницу своему незаметно повзрослевшему птенчику. Дяденька, кажется, немедленно проглотил леденец с испугу, а он был довольно большим.

Так проходили мои дни, и чувство, что добром все не закончится, неотступно преследовало меня. Я казалась себе машиной, у которой заканчивается масло в шестеренках, и

теперь в любой момент меня может просто заклинить, а что я сотворю в таком состоянии, одному богу известно!

Тем временем Началова зверела все больше и больше. Кажется, один лишь мой вид приводил ее в тихое бешенство. Всеобъемлющий надзор нашей крутой бригадирши стал меня конкретно доставать.

Правильно говорят, что всякому терпению бывает предел. Лебезить перед Ритой, задабривать неизвестно чем (каждый выживает как может!) или сделать своей лучшей подругой-утешительницей бутылку, – все это был не мой путь. Я бы, наверное, в конце концов, просто подралась бы с ней, с наслаждением расцарапав до крови ее густо напудренную физиономию, чтобы она меня хотя бы еще на две недели запомнила, пока царапины не заживут, а затем написала бы заявление на увольнение.

Все к тому шло. Мой психолог, однако, посоветовал мысленно убить Началову.

Я в недоумении приоткрыла рот.

– Как убить?

– Просто представь, что ты убиваешь ее. Купи мысленно свинцовую дубинку и иди с ней на работу. Купила?

– Меня просвечивает служба безопасности.

– Хм, сострой парням глазки, они же мужчины, а ты неотразимая секс-бомба!

– Хорошо, они впрямь растаяли, пропустили, прохожу на борт с дубинкой, что дальше?

– Если Началова вновь станет доставать тебя и терпеть не хватит сил, мысленно врежь ей дубинкой по башке так, чтобы ее мозги брызнули на обшивку самолета, а сама при этом мило улыбайся, словно японская гейша богатому клиенту. Пару раз убьешь ее так, а потом ее штучки пойдут мимо кассы, вот увидишь, ее колкости просто перестанут тебя задевать, она же труп! Как труп может кого-то доставать?

– В самом деле!..

Приободрившись, мой псих вошел в раж.

– А если Началова не будет тебя доставать, она перестанет получать удовольствие от того, что пьет твою кровь, ты станешь для нее невкусной, и она переключится на другую жертву. Мало других девчонок, которые у вас совершают оплошности?

– Все изредка совершают оплошности.

– Вот видишь! Давай, иди, вперед и с песней. Психология, Елена, это наука о выживании человеческих видов.

– Человеческих?.. О, нет, скорее, человекоподобных!..

Он захохотал так, что на глазах выступили слезы, а я с легким сердцем пошла убивать Риту. В первый раз, в самом деле, помогло, и один полет прошел практически без проблем, однако затем все началось сначала.

Я не знала, как быть, и в это время девочки вдруг по секрету шепнули мне о странных отношениях Риты со вторым пилотом во время рейсов на Пекин. Он иногда слал ей какие-то записочки. Началова прочитает, отложит, а через

некоторое время листок бумаги делается чистым.

Я, конечно, не поверила.

– Девчонки, вы, наверное, просто что-то не досмотрели! Она другой, чистый листок отложила, а записку спрятала. Зачем ей личную записку на виду оставлять?

– Да нет, Ленка, мы все видели своими глазами! Она действительно пару раз забывала записку спрятать, ее срочно в салон первого класса капризные пассажиры вызывали, и на наших глазах чернила на записке исчезали.

Все равно в такое было трудно поверить. Ясенев использует для переписки с Началовой исчезающие чернила? Зачем?..

В следующем полете, когда Рита опять прицепилась из-за грязи на столике пассажира бизнес-класса, я мысленно достала из лифчика поварской тесак, которым рубят капусту, и снесла Началовой голову. Помогло! Хотя она весь рейс делала мне шпильки, я смотрела на ее обезглавленное дергающееся тело и мысленно хохотала до колик в животе.

Однако в одном из рейсов все пошло не так. Когда она менторским тоном указала мне, что пледы вообще-то надо не забывать предлагать пассажирам, многие и не знают об их существовании, я мысленно открыла аварийный боковой люк, он похож на большую дверь, не забыв предварительно перевести рычаг автоматического надувания трапа в положение DISARMED, и лихим ковбойским ударом своей стройной ноги, обутой в мою любимую туфельку со шпилькой, вы-

била Началову, словно баскетбольный мяч, из салона наружу, и она, в ужасе разинув свою пасть, улетела прочь в ледяные небесные просторы.

Вначале помогло, но затем она вдруг вернулась обратно и со зловещей улыбкой посмотрела на меня.

– Шакурова, слушай, а что с тобой в последнее время происходит? Ты как-то очень странно на меня смотришь. Может тебе психиатрическую экспертизу назначить? Смотри, ты знаешь, я устрою!

Пришлось спешно представлять, как я мысленно целую ее в губы, но и это не помогло. Началова оказалась крепким орешком, и в свободное время я, напрочь разочаровавшись в психологии, стала подыскивать другое место работы.

Вот, например, ресторан «Прага» ищет официантку-девушку с высшим образованием. Неужели я со своим институтом иностранных языков и замечательным приложением к диплому в виде длинных стройных ног не подойду?

Однако сходить на собеседование в ресторан я не успела. Беременность Вики свалилась как снег на голову. Она – такая худенькая, миниатюрная. Как можно было не заметить ее милый животик?

Сложно поверить, но никто не заметил, а Вика – ужасно скрытная девочка, даже кто у нее муж, никто толком не знал, то ли архитектор он, то ли строитель, а уж о беременности своей она, конечно, даже не заикнулась. Ах, Вика, Вика, своим неожиданным милым животиком ты спасла меня!

Без преувеличения спасла, но сама об этом не узнала.

Как вообще можно рассказать то, что затем со мной произошло? Только написать, что я, между прочим, и делаю.

Вместо Вики, ушедшей в декрет, в нашей смене стал летать Евгений Лосев. Он был моим ровесником, однако выглядел совсем как белобрысый мальчишка, – подвижный вихрастый худой и с огромными синими глазами. Несмотря на такую не очень солидную внешность, его живость и внимательность мгновенно подкупали, а высокий профессионализм вызывал одно только уважение.

Так в нашей бригаде появился мужчина, хотя назвать Женю мужчиной язык не поворачивался. Женечка, словно заправская девочка, без всяких трений спокойно влился в наш замечательный женский коллектив. Даже имя у него было женское!

Девчонки у нас работали разные, некоторые очень даже ничего, но Женя практически сразу выделил меня и именно мне стал оказывать особые знаки внимания. Вот когда я вдруг увидела в его нежной наружности пусть смешного, но мужчину!

Он не сюсюкал, не караулил у служебного выхода, не дарил глупые гвоздики или набившие оскомину духи. Его ухаживание выражалось в гораздо более захватывающем действии.

О, он, конечно, не тащил меня в темный угол, раздевая на ходу, упаси бог, нет, он стал приходить ко мне на помощь.

Ах, как я нуждалась в поддержке именно в те тяжелые минуты!

К примеру, шла уборка салона, а он говорил:

– Лена, у тебя круги под глазами, сядь, отдохни, я вижу, как ты вымоталась, здесь я сам все проверю и уберу.

Я была приятно удивлена, однако сюрпризы не закончились. Постепенно он стал ходить на вызовы не только своих, но и моих пассажиров.

– Смотри, как самолет болтает, а ты в нарушение всех правил на шпильках, оступишься и ударишься об угол, не надо, не иди!..

– Оставить без внимания?

– А давай-ка я сам к нему схожу, тем более, что он наверняка всего лишь просит воды!

Разве я могла отказать в такой любезности? Я глупо улыбалась в ответ, кивала и представляете, он шел!

Мои конфликты с пассажирами прекратились как по мановению волшебной палочки и вовсе не потому, что я вдруг стала белой и пушистой. Невероятно, но я просто не успевала раскрыть рот, как Женя совершенно неожиданно приходил мне на выручку.

Например, очередной идиот спрашивал:

– Девушка, а я не опоздаю на стыковочный рейс? Они задержат для меня вылет, чтобы я успел?

Я ответила бы ему так:

– Вы на самом деле идиот или только притворяетесь?..

А Женя на полном серьезе отвечал так:

– Минуточку, сейчас позвоню в авиакомпанию и уточню!

Как ваша фамилия?

Позвонить с десяти тысяч метров?! О, конечно, это было невозможно. Женя просто делал вид, что звонит.

По идее проблемный пассажир должен был принять его за идиота, однако, поразительно, но он сразу успокаивался! Какой магией владел наш Женечка? Впервые за все время работы я, кажется, вздохнула свободно, и стала с удовольствием собираться в каждый рейс.

## Глава вторая

В разных рейсах меня неизменно доставали пассажиры такими просьбами: «Девушка милая, мне нужно принять лекарство, можно стакан воды?» Обычно я тихо взрывалась в ответ:

– Да мне все равно, зачем вам нужен стакан воды, только не лейте его на пол или на соседа!

После этого разозленное лицо Началовой опять маячило перед моими уставшими глазами. Теперь Женя опережал мои вспышки и с обаятельнейшей улыбкой терпеливо объяснял:

– Воду мы обязаны вам дать по первому требованию без всяких пояснений с вашей стороны, для чего она вам нужна. Так что пейте на здоровье! А вообще не забывайте брать с собой бутылочку воды в магазине беспощинной торговли Дьюти Фри.

Возле туалетной комнаты у меня постоянно происходили следующие сцены.

– Да как она открывается, дверь эта долбанная? – вопрошал очередной придурок.

Я неизменно шипела в ответ:

– Пора бы научиться читать!

Такой ответ обычно вызывал непредсказуемую реакцию,

кто-то впадал в ступор, кто-то нервничал еще сильнее, кто-то обижался, а один ненормальный полез на меня с кулаками. С Женей было все иначе.

– PUSH – от себя, PULL – на себя. Все просто. Удачи!

Озадаченное лицо пассажира вдруг сразу светлело, словно вместо туалетной двери он увидел перед собой ангела. А я украдкой целовала Женю в щеку.

Помимо всего прочего, всегда находился пассажир, который после двенадцатичасового перелета через Атлантику спрашивал: «Девушка, а вы сейчас обратно полетите?» Вот скажите, как такое вообще может прийти в голову?!

Во мне все буквально закипало, и из носа начинал валить пар.

– Ага, только подотрем дерьмо, которое вы нам здесь оставили, и в путь!

Пассажир замирал словно электротоком пораженный, а я победно покачивая бедрами шла на другой вызов. С Женей все стало иначе.

– Нет, конечно! – весело отвечал он. – Мы такие же как вы люди и хотим спать. А вот в ближайшем будущем, когда в салонах самолетов появятся роботы...

В салоне наступало оживление. Пассажиры бросались обсуждать столь заманчивую тему и напрочь забывали о борпроводниках, что являлось для нас, понятное дело, просто идеальным вариантом.

– А над чем мы сейчас пролетаем? – почти в каждом

рейсе спрашивал какой-нибудь очередной недотепа, хотя у него над головой висело общее табло с подробным указанием маршрута и местоположения самолета.

Мой ответ:

– Вы ослепли, что ли?

Ответ Жени:

– Взгляните, пожалуйста, на табло! Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Во время раздачи обедов я просто балдела от следующих вопросов и просьб.

– А что это за мясо?

– А что это за рыба?

– Там много соли?

– Какие есть напитки?

– А нет ли зеленого чая?

– Добавьте обезжиренного молока.

– Подайте мне настоящий сваренный черный кофе!

Все вот в таком духе. Зла не хватало слушать всю эту хрень! Они как будто с Луны свалились и не понимали, что у нас здесь самолет, а не ресторан, еду мы получаем в упаковке и всего лишь разогреваем ее перед раздачей.

Мой ответ:

– А может шеф-повара позвать? Он примет у вас персональный заказ!

После такого ответа у пассажира обычно растерянно отвисала нижняя губа, и он умолкал на все оставшееся время

полета, однако Началову, конечно, такой ответ не устраивал.

– Ох, смотри, Ленка, нарвешься на племянника министра!  
Тогда я с превеликим удовольствием дам тебе пинка под зад.

Ответ Жени:

– К сожалению, мы всего лишь раздаем готовую еду, кипяток и пакетики. Может быть, в скором будущем на лайнерах будут организованы рестораны и бары, но пока так.

Все довольны, и даже Началова. Ах, Женя, Женечка, удивительный мой человек!

Периодически попадались умники.

– Как прилетим, мне нужно будет срочно на пересадку, поэтому сделайте так, чтобы я вышел первым!

Вы видали таких? А мне они, как нарочно, стали попадаться почти в каждом рейсе!

Мой ответ:

– А все остальные пассажиры будут сидеть и смотреть, как вы выгружаетесь со своими вещами из салона, ага?

Надо было видеть изумленно хлопающие пушистые ресницы. Умора!

Ответ Жени выглядел гораздо более интеллигентней:

– Если вы правильно спланировали время, то все будет в порядке, а лезть вперед по головам других пассажиров... извините, так физически не получится, мы не в цирке.

Проблемный пассажир вдруг соглашался, и, о, чудо, у него наступало прозрение.

– Да, да, вы совершенно правы! К тому же наверняка я не

Один такой.

Я смотрела на все это, едва сдерживая смех. Нет, Женька определенно был волшебником!

Пассажирский резерв доведения бортпроводника до белого каления, тем не менее, оставался неистощимым.

– Послушайте!.. У вас алкоголь платно или бесплатно?

Если бы он был иностранцем, я бы его поняла, но этот уникум корчил из себя крутого, хотя на самом деле был нашим отечественным валенком, забредшим в дебри международных рейсов через какое-то заштатное туристическое агентство.

Мой ответ был неизменным:

– Вы из какого леса вылезли? У нас не зарубежная авиакомпания, поэтому вот вам сок вместо алкоголя, и на будущее, – летайте бизнес-классом, тогда все будет и даже больше!

У валенка отвисал задник, а я в приподнятом настроении удалялась в объятия Началовой. Пусть делает, что хочет, но на такие вопросы я буду отвечать только так!

Ответ Жени оказывался куда менее категоричен.

– К сожалению или к счастью, для пассажиров эконом-класса наша авиакомпания не предлагает алкоголь на борту самолета.

– Что ж, тогда я с удовольствием выпью виноградный сок! – с неожиданной лучезарной улыбкой отвечал пассажир, и конфликт, витавший в воздухе, вдруг бесследно уле-

тучивался.

Однако самыми раздражающими были просьбы, которые звучали во время посадки пассажиров в салон: «А можно я сяду на другое место?» Меня всегда занимал вопрос, почему некоторым пассажирам не сидится на своем месте? Едва ступив на борт, они стремятся занять какое угодно кресло, лишь бы не садиться в то, которое указано в посадочном талоне.

Поначалу я пробовала быть ласковым котенком. Ничего не выходило, и со временем я просто с места в карьер стала рычать разъяренной львицей:

– Да вы что, особенный, что ли ? Марш на место!

С приходом Жени нервозности стало значительно меньше.

– Пока идет посадка пассажиров в салон, – спокойно отвечал он тоном опытного психотерапевта, – займите свое место, потом что-нибудь придумаем. А вообще, на будущее, заходите на борт последним, и другое свободное место для вас обязательно найдется!

Так повторялось много-много раз. Женя в самом деле и без преувеличения выручал меня!

Наверное, теперь можно себе представить, насколько я была ему благодарна. В него невозможно было не влюбиться, но я, тварь такая, не влюбилась, потому что второй пилот Ясенев со своим красным галстуком продолжал занимать все мои помыслы и сны.

Скоро Женя, конечно, заметил, что со мной что-то не так, однако вместо дурацких расспросов он просто продолжал помогать мне по работе, существенно облегчая мою жизнь, и я вдруг в самом деле почувствовала себя той самой стюардессой, которую так часто изображают на цветной обложке модных таблоидов – в синей форме, красной пилотке и с умопомрачительными алыми перчатками, стройная, легкая, воздушная, элегантная, одним словом, я почувствовала себя Королевой Неба.

Искреннее светлое чувство к Жене, моей чудесной палочке-выручалочке, буквально рвалось в мое истомленное сердце, но оно, как назло, было занято темной страстью к Ясеневу. Тяга была настолько сильной и властной, что порой, увидев Артема, я едва не падала в обморок и обслуживание пассажиров тогда проходило словно в каком-то кошмарном сне.

Чуткость Жени и его душевные качества впечатляли, но я не чувствовала к нему физического притяжения, а оно все-таки очень важно, в первую очередь для женского здоровья, хотя некоторые правильные якобы особы лицемерно отрицают сей общеизвестный медицинский факт. Помимо этого, его присутствие не будоражило и не вызывало никаких романтических чувств. Рядом с ним я не шла по тонкой нитке над головокружительной пропастью. Ничего подобного, к сожалению, не было. А рядом с Артемом шла!..

Я относилась к Жене так, как любящая мать относится к своему заботливому и внимательному сыну. Он был милым

и замечательным, но вулкан во мне не будил, а Ясенев будил на приличном расстоянии или даже когда я слышала его голос в динамике переговорного устройства.

Если Ясенев был совсем рядом, что, как я говорила, частенько случалось, когда я по просьбе Глебова садилась в кресло второго пилота, а Артем как раз в этот момент выходил из кабины, то я просто теряла контроль над собой. Это было что-то необъяснимое и не поддающееся разуму!

Умом понимаешь, что превращаешься в полную дуру, а ничего сделать с собой не можешь. Вы испытывали когда-нибудь что-нибудь подобное? А я испытывала в каждом рейсе.

Видимо, наш мозг лишь сверху интеллектуален, а внутри он – одна сплошная раскаленная докрасна эмоция. Говорят, что вначале надо думать, а потом делать. Звучит великолепно, только мозг-то устроен иначе!

Чтобы выжить и продолжить род, наш мозг выдает естественную реакцию на внешний раздражитель, а осознание, комментарии и рассуждения приходят потом, когда ничего не изменишь. «В будущем все будет иначе», – так заявляют высоколобые черепа от науки, обаятельные политики и еще бог знает кто, а Оно неизменно повторяется.

Мы можем сдерживаться, уговаривать себя, работать с подсознанием, применять изоощренные психологические приемы, однако в один прекрасный момент, который совершенно непредсказуем, вся эта раскаленная лава вдруг вырывается наружу, причем так, что мало никому из окружа-

ющих не кажется, и вы совершаете поступок, предначертанный судьбой. После, когда включится, наконец, ум, вы, конечно, будете корить себя, но если вдуматься, то за что?..

Грех? О, это очень интересное понятие!

Хотела бы я посмотреть на безгрешных людей! Где они? Их нет. Лицедеи – да, есть, ханжи – о, да, навалом, а безгрешных, дорогие мои, нет. Тогда какой смысл бороться с грехом, если он не уничтожим? Не лучше ли выпускать эмоции на волю, но так, чтобы отношение к окружающим оставалось спокойным и уважительным.

Если бы все было так просто, – вначале подумай, а потом сделай, – все, конечно, так бы и делали, не враги же люди сами себе, в самом деле! В действительности все происходит с точностью до наоборот, и никакие религии с психологией впридачу ничего не могут с этим поделать.

Короче говоря, вляпалась я по уши. Понимала, что пропадаю, но от этого не было страшно. Напротив, было очень волнительно и сладко! Я подсознательно готовилась к тому, чтобы выпустить эмоции на волю.

## Глава третья

Ах, если бы не Женя! Тогда я точно вылила бы на чью-нибудь лысую голову кипяток или опрокинула тяжеленную тележку (всегда хотела познакомиться с ее конструктором!), которую мы развозим, предлагая разные товары и сувениры во время полета. Мои безделушки разъехали бы по полу под кресла пассажиров в качестве подарков и тогда, прощай, моя зарплата, из нее высчитали бы, наверное, все до копейки.

В общем, все было хорошо и все было плохо. Одновременно! Как такое может быть, мне тогда было невдомек, слишком зеленой глупышкой я еще была.

Началова стала еще больше скрежетать зубами, ей очень не понравилось мое неожиданное превращение из Золушки в Королеву. Она сюсюкала с Лосевым, в рейсах на Пекин Ясенев продолжал слать ей исчезающие записки, в которых, как выяснилось, он нес ей какую-то пургу насчет китайцев, а на меня Рита по-прежнему смотрела мегерой, но не говорила мне ни слова, что было как-то непривычно и действовало особенно неприятно. Лучше бы она меня просто выматерила!

Как-то раз Женя отвел меня в вестибюль перед кабиной пилотов, где мы обычно собирались на инструктаж перед по-

летом, а сейчас здесь никого не было, и подслушать нас никто не мог.

– Помнишь, мы сидели в Сингапуре и ждали обратный рейс?

– Конечно, и что?

– Тогда Началова пригласила меня к себе в номер на рюмку чаю.

– Да ты что? А ты?

– Сослался на плохое самочувствие и необходимость выспаться перед дальним перелетом.

– Хм, и она тебя так просто отпустила?

– Не совсем. Она понимающе хмыкнула и сказала: «Смотри, Женя, монотонные будни будут всегда, а жизнь-то проходит. В твоём нежном возрасте я тоже думала, что наша жизнь, ох, какая длинная!» Ленка, ты можешь себе такое представить?

Я зловеще улыбнулась.

– Здесь все просто, Женечка. Она как паучиха. Вначале спаривается, а затем убивает партнера. Я краем уха слышала, – были у нее такие случаи.

Женя недоверчиво покачал головой.

– Как это она, интересно, может меня убить?

– Испортит карьеру. Будь уверен, у нее длинные лапы!

В тот момент что-то шевельнулось в моем сердце. Это что-то было похоже на ревность. Кажется, я не хотела отдавать Женю Началовой, но в следующий миг это хилое чув-

ство ушло и растворилось в непроглядной тьме.

Какое мне дело до личной жизни Лосева? У меня есть Ясенев. Пусть сейчас он не обращает на меня ни малейшего внимания, однако я знаю точно, что скоро он будет мой.

Глебов продолжал неизменно приглашать меня на подмену Ясенева. Мы сталкивались с Артемом в дверях кабины тесным, так сказать, контактом, но близость моего тела и мои пылающие от смущения очи не производили на этого ледяного человека никакого впечатления.

Каждое мое посещение Глебов подробно рассказывал мне о центральном пульте управления, толково все объяснял, где какие приборы, каковы функции каждого, и как справляться с многочисленными ручками, кнопками и клавишами. Слушала я плохо, все это мне казалось блажью командира, поскольку он как-то обмолвился, что очень хотел дочь, роды в самом деле состоялись, однако девочка задохнулась, идя по родовым путям, и появилась на свет мертвой. Теперь ему кажется, что я чем-то похожа на нее.

Как-то раз он вдруг сказал:

– Я всегда глажу самолет перед полетом и разговариваю с ним.

Я приподняла брови и округлила глаза.

– Да вы что? Зачем?

– Ты не поверишь, но он – живое существо со своими капризами и настроением.

Наш разговор услышал Ясенев, который как раз в этот мо-

мент возвратился в кабину.

– Профессия пилота умирающая, к сожалению, – сказал он. – Лет через двадцать нас заменят дроны.

– Один пилот, наверное, все равно останется, – тихо сказала я. – Думаю, что присутствие хотя бы одного пилота будет все-таки необходимо для подстраховки, да и вообще, – если дрон уходит в полет один, кто тогда будет с искренней нежностью гладить его?..

Глебов расхохотался, а Ясенев даже не улыбнулся, однако в его глазах пусть на миг, но мелькнула искорка заинтересованности. В следующую секунду она, конечно, погасла, однако искорка светилась, я готова была в этом поклясться!

Мне стало легче, я значительно приободрилась, однако сразу же, как обычно в таких случаях бывает, случилась проблема. Рейс поначалу шел хорошо, а затем возник конфликт с очередным хамом.

Летели, как сейчас помню, в Нью-Йорк, над океаном сильно трясло, пассажиры очень устали и после десяти часов полета все спали вповалку. Все бы хорошо, но один рыжий толстый веснушчатый гусь с жирной выпяченной влажной нижней губой снял носки, откинул столик и взгромоздил свои вонючие красные лапы на него.

Девочки, зажимая носы платками, ходили мимо, и ни одна не решилась сделать ему замечание. Что ж, значит, опять придется мне!..

– Пожалуйста, уберите ноги с откидного столика, он пред-

назначен для других целей, и наденьте носки и обувь. Неужели вы не чувствуете, что запах становится просто невыносимым?

Гусь агрессивно распахнул свои оловянные глаза.

– Да пошла ты в задницу, аэрошлюха гребаная. Я отдыхаю!

Ага, вот, оказывается, кто я на самом деле, а я и не знала. Ладно, мерзавец, сейчас ты у меня получишь!

Началова выглянула из-за занавески в сладостном предвкушении, но мне было плевать. Такое терпеть я не собиралась. Пусть Рита делает, что хочет, это ее проблемы!

Я наклонилась к самому уху наглеца, чтобы крепко обматерить его, но в этот момент меня отодвинул в сторону Женя. Он услужливо наклонился к пассажиру и что-то вежливо прошептал ему. Гусь мгновенно вскочил, мигом надел носки, затем ботинки и кинулся в хвост, там были свободные места. Плюхнувшись в кресло и принухиваясь к себе, он натянул бейсболку на глаза, а через несколько минут мирно задремал.

Я с изумлением воззрилась на Женю.

– Что ты ему сказал, какое новое матерное слово придумал?

– Ни одного нецензурного слова, Ленка! Просто уведомил, что вчера на этом же месте летел один уважаемый пассажир, и он тоже хотел отдыхать, и точно также сложил свои голые ступни на откидной столик, только у него был жуткий

грибок ногтей, но никто не осмелился ему сказать, потому что он был племянником одного известного губернатора, а дезинфицировать салон после него мы не стали, – на дезинфекцию нам средств практически не выделяют, да и лень.

Я расхохоталась так, что Началова, скрипя зубами, подзвала меня к себе.

– А ты знаешь, что у тебя происходит в туалетной комнате?

– Нет!

– Пассажир заперся и двадцать минут не выходит. Проверь! Может быть, ему плохо?

Я подошла к двери туалета, индикатор в самом деле показывал «Занято». Двадцать минут? Это много! Неужели кому-то в самом деле стало плохо?

Я откинула табличку с надписью LAVATOR, сдвинула секретный болт-засов и толкнула створку от себя. Она сложилась в гармошку и стучающиеся друг в друга жирные белые тела брызнули мне в лицо.

Упитанный кабан прижал пузом толстую свинью к раковине, а сам пристроился к ней сзади. Когда створка раскрылась, открыв эту потрясающую картину, достойную пера фламандского художника, он повернул свою лоснящуюся физиономию и стрельнул в мою сторону заплывшими глазами.

– Не мешайте, и закройте, пожалуйста, дверь!

Ничего себе, еще и пожалуйста! Я мило улыбнулась.

– Вы доставляете неудобства пассажирам. Освободите туалетную комнату, она для этого не предназначена, да и негигиенично!

Кабан взмолился.

– Да дай же закончить, дура, закрой дверь!

Однако я крепко держала створку, и он никак не мог захлопнуть ее. Шум привлек внимание некоторых особо чувствительных пассажиров.

В этот миг подскочил Женя со своим смартфоном, включил видеокамеру и навел ее на открытый дверной проем.

– О, ребята, какая сцена! Сегодня я, кажется, соберу миллион лайков в Ютубе.

Сладкая жирная парочка мгновенно распалась. Натягивая на себя причиндалы, они, красные как раки, кинулись к своим креслам. Остальные пассажиры ничего не поняли.

Я в изнеможении, словно не у дебильных пассажиров, а у меня только что был подобный акт, оперлась плечом о перегородку.

– Ф-фух, Женька, ты просто бог!.. Сил моих больше нет, мы прилетим сегодня когда-нибудь или нет?!..

Однако этот рейс был в самом деле богат на неприятные события, и меня ждало еще одно испытание. Надо сказать, что я подменяла Ясенева, а Глебова, когда ему надо было отлучиться из кабины, подменяла Началова. В этот раз Рите тоже достались проблемы, и когда Глебову понадобилось отлучиться из кабины, она была крепко занята сервировкой

обеда для раскапризничавшегося словно младенец пассажира бизнес-класса, поэтому подменять Глебова в кабину пилотов направила меня вместо себя.

– Давай, Шакурова, вперед, тебе там все привычно, не в первый раз, как говорится!

Я буквально вся задрожала, как молодая березка на резком ветру. Невероятно, в это не верилось, но мне, наконец, выпал случай побыть несколько минут наедине с Ясеньевым!

О, боже, сколько же я ждала этого счастливого мгновения, какие только картины себе ни рисовала по ночам, вплоть до откровенно эротических и даже, простите, неприличных сцен, и вот удача вдруг повернулась ко мне лицом. Дорогая Фортуна, благодарю тебя, милая, мне смертельно надоело постоянно видеть лишь одну твою красивую голую задницу!

– Сиди смиренно, Шакурова, ничего не трогай, молчи и следи за приборами, – напутствовал меня Глебов перед тем, как выйти из кабины, а затем как-то обеспокоенно потер грудь. – Что-то устал я сегодня, странно, вроде бы никаких заморочек особых не было. Если посидишь полчаса, я буду тебе очень благодарен.

О, милый мой человечисце! Я готова была прыгать от счастья и радостно хлопать в ладоши, словно пятилетняя девочка, только что узнавшая, что в зоопарке, куда ее сейчас повели, будут, оказывается, не только антилопы и верблюды, но еще слон, жираф и бегемот.

– Конечно, посижу! Вы не волнуйтесь, Анатолий Алексе-

евич, я буду вести себя хорошо. Так что смело можете отдыхать, хоть час, хоть два!

– Час – это много, а минут сорок, пожалуй. Поболтаю с девочками, выпью свою чудодейственную таблетку, раньше она всегда помогала.

Мне захотелось обнять его как отца и расцеловать в обе щеки. Он уловил мое внутреннее движение и тепло пожал руку.

Глебов вышел, я заняла его кресло, надела на голову наушники и осмотрелась. Многие приборы были мне знакомы благодаря настойчивым урокам командира (зачем ему это было надо?). По крайней мере, никакого страха и дискомфорта они не вызывали. Я вполне была способна понять, что полет проходит в штатном режиме, все бортовые системы работают нормально.

Высота – тридцать пять тысяч футов. Курс – двести девяносто. Скорость – пятьсот десять узлов.

Ясенев даже не удостоил меня взглядом. Он сосредоточенно слушал эфир.

Мое сердце билось в груди, словно голубка, рвущаяся из клетки на волю.

– Артем Станиславович...

Он холодно покосился на меня.

– Что? Приборы? Где?

– Нет, какие приборы... а у вас остается время на личную жизнь?

Он оторопело посмотрел на меня как на проститутку, которой вдруг вздумалось приставать к пилоту в кабине авиалайнера.

– Не отвлекайся, Шакурова, и меня не отвлекай, поняла? Я могу пропустить вызов нашего борта наземными службами!

Я закусила губу от досады. Вы не указание наземных служб можете пропустить, Артем Станиславович, вы любовь шикарной женщины может пропустить, а потом локти будете кусать, да поздно будет!

Больше он не произнес ни слова и вел себя так, словно летит в кабине один. Я едва не потеряла сознание от тягостного молчания, и возблагодарила небо, когда Глебов, наконец, вернулся.

– Как вы?..

– Нормально, – словно старуха с беззубым ртом прошамкала я и совершенно никакая вывалилась из кабины.

Такого удара в спину я от судьбы никак не ожидала. Катастрофа и полная безнадега!

Все опять рухнуло, едва начав строиться. Я считала секунды до окончания этого несчастного рейса!

В конце концов, нескончаемое время прошло, мы приземлились без происшествий, посадка прошла идеально, Глебов был как всегда спокоен и точен, только Началова была не в духе, но я настолько вымоталась, что даже почерневшее злое лицо Ритки теперь мне казалось ликом немного по-

доставшего доброго ангела.

После уборки салона я хотела только одного – встать под душ, а потом завалиться спать, или нет, лучше лечь в ванну с горячей водой и уснуть. Сил на то, чтобы принять душ, просто не оставалось.

Когда я в совершенно разобранном виде доползла до двери своего номера в отеле, то вдруг неожиданно столкнулась с Лосевым.

– Как ты себя чувствуешь, Лена?

– Никак! Если успею снять туфли, прежде чем заснуть, значит, вечер удался. Извини, даже на чашку чая или кофе нет никаких сил.

– Люди всего лишь просто разные, однако они смотрят друг на друга и считают друг друга ненормальными, посмеиваются друг над другом или опасаются друг друга, а бывает кое-что и похуже!

Меня как будто электротоком долбануло по затылку.

– Чего-чего? Женька!.. Я не поняла. Переведи!.. Ты смертельно вымотался или, может быть, что-то выкурил?

Он грустно покачал головой.

– Началова не простила мне мое поведение.

Я напрягла все свои натруженные извилины, чтобы сосредоточиться. Какое-такое поведение? Через минуту до меня, наконец, дошло. В Сингапуре Лосев не лег с Началовой в постель, как она того хотела, и теперь... что теперь? Да ничего такого особенного. Что еще может придумать наша

мстительная бригадирша, кроме того, как загнать Женьку куда-нибудь на рейсы в Саратов, чтобы он не вылез из них до скончания века.

Женя шумно вздохнул.

– Девочки шепнули, что она добивается моего перевода в другую смену, и она добьется, ты знаешь.

Вот стерва!.. Я так и знала. С Началовой все до омерзения предсказуемо.

Я в изнеможении оперлась плечом о дверь номера.

– Женя, ты хороший славный мальчик, отзывчивый, чуткий, внимательный, находчивый, я тебе благодарна по гроб, но ничего у нас с тобой не получится. Извини! Придется с этим смириться и просто расстаться. А интриг Началовой не бойся. Я уверена, что тебя заметят в любом рейсе и в любой смене, и ты еще встретишь свою настоящую любовь!..

Женя покраснел до кончиков ушей, закусил губу и, буркнув что-то неразборчивое, оставил меня наедине с дверью. Вот тебе на! Мало мне было перипетий в полете, на земле началось то же самое.

Падая с ног, я буквально вломилась в номер, такая была усталость, и завалилась на кровать лицом вниз, словно сраженная пулей наповал. Все силы были исчерпаны, и моральные, и физические. Этот проклятый день принес слишком много стресса и огорчений.

Какая же я гадина! Обидела такого мальчика. Я не знаю, почему так устроено, однако разрушать человеку гораздо

приятнее, чем строить. Может быть, в этом кроется причина всех войн, – политических (между государствами) и личных (между мужчиной и женщиной)?..

Ах, если бы не Ясенев, возможно, все было бы по-другому! Мне захотелось заплакать, но слезы не шли, – сердце застыло, словно окаменело, а камни не плачут, они крошатся и разбиваются вдребезги.

## Глава четвертая

– Тело у тебя как у богини, а мозги куриные, не зря, значит, анекдоты про блондинок.

– Много вы знаете про блондинок!

– Теперь знаю!.. Нет, Шакурова, мне нужна жена, а не кукла для постельных утех. Так что лучше не приставай ко мне, пошлю очень далеко.

Вот такое у нас произошло объяснение с Ясеновым перед следующим полетом. Почему он решил, что я дура полная, не могу сказать. Может Началова, змея, что-то шепнула ему о том, как я веду себя с пассажирами?

Когда мы ожидали брифинг, я рассказала девочкам анекдот. Началова делала вид, что читает парижский журнал мод, но я-то понимала, что наша мегера ловит каждое мое слово. Анекдот был такой.

Сидят блондинки-стюардессы в комнате отдыха.

– А у Боинга семьсот шестьдесят седьмого модификации 400 ER размах крыла пятьдесят девять целых девять десятых метра, – увлеченно говорит одна, – крейсерская скорость во семьсот пятьдесят один километр в час...

– А мощность каждого из двух двигателей двадцать пять тысяч лошадиных сил, – подхватывает вторая.

– Это, Светик, если в нормальном режиме, а в форсиро-

ванном...

В этот момент в комнату входят пилоты, и Светик прикладывает палец к губам:

– Тсс, девочки, внимание! Говорим только о тряпках, слышите, только о тряпках...

Девчонки мои жизнерадостно расхохотались, а Началова скривила свою и без того кислую и щедро напомаженную рожу. Случайно повернув голову, я вдруг заметила задумчивого Артема, он сидел в отдалении и явно прислушивался к тому, что я рассказывала.

А затем состоялся этот неприятный разговор, суть которого я воспроизвела выше. В прошлый рейс он подумал, что я клеюсь к нему, да еще момент «очень удобный» выбрала, – во время управления самолетом, вот и решил, что я несерьезная особа.

От невеселых мыслей меня отвлек зловещий голос Началовой.

– Ты, Шакурова, я смотрю, продолжаешь гнуть свою линию и упорствуешь в своей ереси, думаешь, что ты умнее всех, ладно, посмотрим. Ты еще не поняла, куда попала и во что вляпалась, вот в чем твоя главная проблема!

Не знаю, что на нее вдруг нашло, звучало устрашающе, и настроение было испорчено еще до того, как мы вошли в самолет. Если бы в тот момент я знала, что предстоявший рейс в самом деле кардинально изменит мою судьбу!

Пассажиры как всегда теребили по пустякам и крепко раз-

дражали своей простотой. Я ходила по салону словно сомнамбула.

Женя выглядел неважно. Похоже, что из-за тех переживаний, которые я ему устроила, он плохо спал, то есть нарушил главное условие успешного полета – хорошенько выспаться перед вылетом. Тем не менее, он держался молодцом, вел себя так, как будто между нами ничего не произошло, и я снова (в который раз!) восхитилась его мужеством.

Вряд ли можно было сказать, что меня мучили угрызения совести. Мне было просто жалко его. Что поделать, но у меня не было к нему никаких ответных чувств, вот и все. Это как в математике, – если не хватает переменной, то уравнение не решается и никогда не решится, а математику я в школе любила, и мой папа очень надеялся, что я пойду дальше его карьеры машиниста экскаватора и стану инженером.

Помимо этого, я была глубоко убеждена в том, что Женя рано или поздно разочаруется во мне, а разочарование в таких эффектных особах, как я, всегда ужасно. Надо было непременно оградить мальчика от этого! Зачем превращать его в монстра? Он достоин лучшей участи.

Такую как я любить невозможно, поэтому я выйду замуж за того, кого сама полюблю, и буду нести этот крест до конца. Такова была моя судьба, я в этом была просто убеждена, словно известная потомственная цыганка мне на ладони нагадала. В действительности никаких цыганок мне было не надо, я сама себе была цыганка, видела свое будущее как на

ладони, и не испытывала по поводу своей судьбы совершенно никаких иллюзий.

С таким настроением я летела в том злополучном рейсе в Пекин. Меня сразу шокировал пассажирский салон.

Во-первых, в нем было не так много пассажиров. Во-вторых, это были, большей частью коротко подстриженные крепкие подтянутые мужчины средних лет или интеллигентные очкарики, зарывшиеся в ворох документов и забывшие о том, где они вообще находятся.

Кроме того, сразу бросалось в глаза, что в своей массе они какие-то немного странные. Пассажиры обычно попадают в основном беспокойные, надоедливые, не очень вежливые и глупые.

В этот раз большинство из них были улыбчивыми, спокойными, сдержанными, чрезвычайно вежливыми и умными. Им ничего не было надо, даже воды, и они ничего не боялись, ни гула механизма уборки шасси (что это?), ни странных звуков в двигателях (а они не остановятся?), ни трясущихся в иллюминаторах крыльев (а они не отвалятся?). Даже когда нас стало сильно колбасить над Тянь Шанем, – мы попали в зону сильной турбулентности, и Глебов никак не мог нащупать курс, который вывел бы наш аэробус из нее, – они не проявили не малейших признаков тревоги и вели себя так, как будто ровным счетом ничего не происходит.

Я таращила на них глаза, словно увидела лунатиков. Бывает же такое! Правда, мое замешательство продолжалось

недолго.

Женя минут двадцать с удовольствием наблюдал за моей реакцией, а потом не выдержал и шепнул мне на ухо:

– Это свита.

– Что?

– Свита!

– Да?.. Чья?

– А ты в салон первого класса заглядывала?

Хм, какие проблемы? Я пошла, осторожно отогнула занавеску и заглянула. Там, словно арабский шейх в своем личном самолете, непринужденно развалился человек. Он расположился в огромном кожаном кресле перед внушительным столиком, который ломился от выпивки и закуски. Кроме него, никого из пассажиров в салоне не было.

Началова, прежде чем что-то спросить, садилась перед ним на корточки, словно дрессированная собачка, – VIP-клиент не должен смотреть на бортпроводника снизу вверх, – и противно лебезила перед ним. А девочки, как угорелые, только успевали таскать ему коньяк и деликатесы – красную икру, крабовое мясо, осетрину, фуагра и еще черт знает что. Как в этого шпунтика все влезало? Богатырским телосложением он не отличался, – был невероятно мал и шупл.

Когда VIP повернул голову, чтобы закурить (а в самолетах нашей компании курение строго запрещено!), я разглядела его невзрачный профиль, – выдающийся вперед тонкий,

однако довольно длинный нос с горбинкой, недельная седая щетина на впалых щеках и какой-то неживой сухой блеск в стального цвета глазах.

Женя снова наклонился к моему уху.

– Олигарх.

– Какой-такой олигарх?

– Близкий друг нашего главы государства, руководит какой-то то ли топливной, то ли энергетической компанией, врать не буду, но то, что он ворочает такими деньжищами, которые нам и не снились, это совершенно точно!

Мне вдруг стало любопытно, какое я произведу на него впечатление. Женя пытался меня уговорить не делать этого, но я решительно ступила в салон походкой принцессы Кембриджской. Когда мне что-то втемяшивалось в голову, скалы должны были рухнуть, а океан – раздвинуть воды.

Я, растягивая удовольствие, медленно приблизилась к эксклюзивному пассажиру, по-матерински заботливо склонилась над ним и поймала его рассеянный взгляд, он жевал балык.

– Добрый день! Меня зовут Елена Шакурова. Я – бортпроводник. Скажите, каковы ваши впечатления о полете? Есть ли какие-либо пожелания? Не стесняйтесь, мы постараемся все учесть и, конечно, выполнить!

У олигарха отвисла нижняя губа, он ошарашенно воззрился на меня каким-то странным помертвевшим взглядом. Поразительно! Лицо худое и бледное как у лагерника, мота-

ющего третий срок, а нижняя губа упитанная, жирная и мокрая.

Из полураскрытого рта на меня вдруг хищно глянули острые крысиные зубки.

– А это кто?!..

– Я вам, кажется, представилась.

– Да я не тебе! – рявкнул олигарх.

В следующий миг из-за шторы выскочили два плечистых лобастых парня. У них были такие лица, что если бы я встретила их где-нибудь в темной подворотне, то наверняка решила бы, что на меня напали насильники. Впечатление было настолько ужасным, что в первую минуту я даже не обратила внимание, что одеты они были, словно клерки офиса, в элегантные строгие черные костюмы.

Охранники подхватили меня под белые ручки, на которые, между прочим, были натянуты умопомрачительные алые лайковые перчатки, и бесцеремонно потащили к выходу из салона.

Я опомнилась и, конечно, как положено принцессе, возмутилась.

– Э, полегче, парни. Чего вы меня лапаете? Я ведь укусить могу!..

В ответ один из нихдохнул на меня запахом дорогой жевательной резинки и произнес неожиданно приятным и предельно вежливым голосом.

– Милая девушка, вы нарушаете протокол службы без-

опасности. К Артуру Оскаровичу нельзя подходить без согласования с нами. Будьте умницей, не надо поднимать шум, угостите нас лучше зеленым чаем.

В общем, я вздохнула с облегчением, когда, наконец, раздалась команда Глебова:

– Экипажу приготовиться...

Самолет начал снижение. Мы проверили, все ли пассажиры пристегнуты, обязательно найдется какой-нибудь баран, желающий то ли выпендриться, чтобы привлечь к себе внимание симпатичной бортпроводницы, то ли продемонстрировать свою крутизну, вредность и наплевательское отношение к своей безопасности и жизни окружающих его людей, которых он, похоже, просто ненавидит.

– Пристегнитесь, пожалуйста!

– А если пристегнусь, вы меня поцелуете?

– Обязательно, но только после успешного приземления, естественно.

– Нет, я хочу сейчас!

– Будете упорствовать, вас вместо поцелуя встретят у трапа наручники.

– Да ладно, я сам полицейский...

В общем, когда удалось всех уговорить, даже самых крутых в кавычках, мы погрузились в свои кресла и сами пристегнулись к их сиденьям. Все привычно и знакомо. По своим внутренним ощущениям и звукам, раздававшимся снаружи, я давно научилась безошибочно определять, когда са-

молет входит в глиссаду, выпускает шасси и касается колесами взлетно-посадочной полосы.

Древняя старушенция, которая сидела в первом ряду напротив, вся морщинистая, как Баба-яга, однако в целом довольно ухоженная и, я даже сказала бы, репрезентбельная, достала из карманчика своей модной кофточки из ангоры зеркальце и принялась прихорашиваться, подводить тени под свои выцветшие глаза, которые, кажется, видели еще царские балы Санкт-Петербурга.

Фу-ты, ну-ты! Девушке под сто лет, а она туда же. Я едва сдержалась, чтобы не прыснуть со смеху. Она заметила мою реакцию и обиженно поджала свои нездоровые сиреневые губы.

В этот момент самолет вошел в глиссаду. В животе запорхали бабочки, так обычно бывает, потому что во время глиссады те, кто находится в самолете, могут временами испытывать легкое состояние невесомости.

Все шло в штатном режиме. Еще немного, и колеса коснутся бетонки.

Вдруг моей старухе сделалось плохо. Не знаю, что на нее повлияло, – чувствительность к перемене места, изменение давления при посадке, утомление от дальнего беспосадочного перелета или то, что я испортила ей настроение.

Моя реакция на лице была совершенно произвольной. Теперь я очень жалела, что не сумела сдержаться, и она ее заметила. Почему я вечно сую нос не в свои дела и оцени-

ваю, причем делаю так, что все замечают? Прихорашивается пожилая пассажирка? Да ради бога!

Думать надо, Лена, о своих обязанностях, ан нет, Лена опять вляпалась. Эх, если бы я тогда знала во что, то, наверное, смотрела бы на свою модную прихорашивавшуюся перед зеркальцем старуху холодно и бесстрастно, словно мраморная безрукая статуя Афины Парфенос в Лувре.

## Глава пятая

Короче говоря, когда самолет вошел в глиссаду, моя старуха, увидев мою насмешливую реакцию на ее прихорашивания перед зеркальцем, вдруг страшно побелела, обмякла, откинула голову на спинку и закатила глаза. Ее тщедушная грудь заходила ходуном так, что мне с испугу показалось, что у нее началась агония. Руки несчастной вцепились в подлокотники кресла, а миниатюрный подбородок жалко вскинулся вверх.

– Она сейчас кони двинет! – густым надтреснутым басом сказал чей-то мужской голос.

– Пожалуйста, без комментариев, – сказала я в ту сторону, откуда только что пробасил очередной умник. – Мы окажем ей помощь, как только самолет произведет посадку. Всем оставаться на своих местах. Спокойно, все хорошо!

В этот момент колеса коснулись бетонки. Салон затрясся так, словно огромные руки злобного великана стали неистово трясти самолет, намереваясь вытряхнуть всю его начинку вместе с людьми.

Пассажиры притихли и невольно втянули головы в плечи. Каким бы ни был смелым человек, в этот момент все равно страшно, потому что не знаешь, как пройдет посадка, все может повернуться как угодно и в любой момент. Главное,

быть пристегнутым, чтобы не разбить голову и не свернуть шею. Обидно, когда такое случается. Бывает, что после аварии самолет оказывается поврежден незначительно и после косметического ремонта его можно вернуть в строй, а человеческие жизни, которые были потеряны из-за не пристегнутых ремней, вернуть нельзя.

Именно в эти секунды самые боязливые начинают неистово хлопать в ладоши, подбадривая себя, – мол, худшее, что могло случиться, позади, ура капитану воздушного корабля, успешно посадившему самолет! Стадный инстинкт приводит к тому, что все подхватывают и начинают восторженно хлопать, словно зрители в зале Малого драматического театра после комедии «Горе от ума», прошедшей с участием Юрия Соломина.

Они не понимают, что самое опасное начинается как раз после того, как самолет касается земли. Никто не знает, что будет дальше, и здесь необходимы выдержка, спокойствие и готовность ко всяким неожиданностям, а вовсе не бурные аплодисменты.

Наконец, взревели двигатели, включенные на реверс. Неприятное вибрирование прекратилось, скорость послушно упала, и наш аэробус, словно коварный зверь, укрощенный опытным дрессировщиком воздушного цирка, покорно потрусил по бетонной полосе.

Раздалась команда Глебова:

– Бортпроводникам занять свои места!

В мои обязанности входило занятие места у выходного люка, чтобы обеспечить штатный режим освобождения салона. Для этого мне надо было подойти к люку и перевести рычаг включения автоматики из положения ARMED (красная подсветка) в положение DISARMED (зеленая подсветка). Сделать это следовало после полной остановки самолета.

Однако вместо того, чтобы броситься к выходному люку, я, отстегнув свой ремень, кинулась к своей старухе, потому что мне показалось, что в следующую минуту она просто умрет. Только старушечьего трупа мне сегодня не хватало, и без этого целое море неприятностей и хлопот!

Я била ее по щекам, массировала цыплячью грудь, дула в рот и растирала ее совершенно обескровленные уши так, что они вмиг сделались пунцовыми. Все было бесполезно, и я подумала, что она в самом деле умерла. По крайней мере, лицо у нее выглядело мертвым.

Женя пришел ко мне на помощь и посоветовал нащупать пульс. Я попыталась найти пульс, сразу не получилось, и я была так погружена в этот процесс, что не заметила, как самолет остановился.

Пассажиры сразу повскакивали со своих мест. Конечно, нашлись самые ретивые, которые, пользуясь тем, что мы заняты, ломанулись к выходу.

– Всем оставаться на своих местах! – крикнула я. – Вначале выходят пассажиры салона первого класса. Вас к выходу пригласят!

Пассажирский поток застыл, а Женя как всегда совершил чудо. В тот момент, когда я все-таки нащупала у старушки пульс, он сунул бабуле под нос открытый пузырек с нашатырным спиртом, который взял из аптечки, а я, дура, про нее совершенно забыла.

Бабушка дернулась так, как будто ее тряхнуло электротоком, и пришла в себя.

– Так мы что, сели? – противным скрипучим голосом сказала она, недовольно поджав губы. – А почему тогда вы молчите, экипаж? Безобразие!

У меня словно гора свалилась с плеч. Я в изнеможении опустилась на корточки и прислонилась спиной к перегородке. Юбка треснула по швам, но мне было все равно. Главное, что пассажирка жива и здорова!

В этот миг со стороны выхода раздался сильный хлопок, и чей-то знакомый надтреснутый бас громогласно воскликнул: «Ого!»

– Да что у вас происходит?! – истошным голосом завопила моя воскресшая старуха. – Персонал совершенно не ловит мышей. Я буду жаловаться президенту Российской Федерации. Он быстро наведет порядок!

Пассажиры стали выкрикивать наперебой, кто со смехом, кто с сочувствием, кто с сарказмом.

– Молодец, бабуля!

– Ожила, и сразу в бой.

– Заткнись, старая дура!

– Ой, она, кажется, и впрямь совершенно ничего не понимает.

– Сейчас поймет!

– Кто там меня старой душой назвал? – вдруг спокойно и весело сказала бабушка. – Я вас всех переживу, глупые! Вы жить-то умеете? Вам одни только сладости подавай!..

– Ты отключил автоматику? – одними губами сказала я Жене.

– Да.

– В таком случае... почему она сработала?

– Не знаю!

– Что будет?

– Вали все не меня, Лена!

– Нет, Женечка, я так не могу!

Для того, чтобы понять, что произошло, не надо было бежать к выходу и смотреть. Тем более, что пробиться сквозь плотную толпу, намертво забившей проход, было проблематично.

Конечно, какой-то ретивый пассажир, который все знает и который вечно куда-то спешит, как будто ему скипидаром между ягодиц намазали, сунул свои шаловливые ручонки к запирающему устройству люка и невзирая на то, что автоматика стоит в положении ARMED, да еще с предупреждающей красной подсветкой, повернул, стервец, ручку. Автоматика, естественно, сработала, выбросила спасательный трап и надула его. Конечно, трап сдуют, однако все это время и

нервы.

В проеме показалось разъяренное лицо Началовой.

– Уважаемые пассажиры, назад, все назад! Гражданин, я кому говорю? Всем занять свои места! Нештатная ситуация. Ждать! К выходу вас пригласят.

Все мгновенно притихли и рассосались по салону. Я поднялась, одернула надорванную юбку и предстала перед пылающими очами нашей побелевшей от ярости бригадирши.

– А я тебе говорила, Шакурова! Все шутишь, анекдотцы с подтекстом, вот и дошутилась. Марш к люку!

Я выскочила в тамбур и нос к носу столкнулась с обеспокоенным олигархом.

– В чем дело?

– Сработала аварийная автоматика – спасательный трап надулся!

– Хм, и что?

– Его следует сдуть, чтобы покинуть салон в штатном режиме, не будете же вы скатываться вниз по надувному трапу, как в аквапарке!

Олигарх весь зашелся так, что мне показалось, что он сейчас заорет сумасшедшим голосом.

– Уберите ее, – повернувшись к своей охране, ледяным тоном тихо сказал он.

Добры молодцы снова подступили ко мне, однако между ними и мной встал Лосев с огнетушителем в руках.

– Стоп, ребята, полный назад! Здесь мы пока что коман-

дуем. Будьте любезны, займите свои места, к выходу мы вас пригласим. Если дернетесь, испортите свои костюмы от Версаче.

Он направил раструб огнетушителя в лицо охране. Телхранители ждали слова хозяина, однако он медлил.

– Пошли вон! – сказал, наконец, олигарх сквозь зубы.

Крутые парни послушно ретировались, словно преданные комнатные собачонки, а Началова решительно отодвинула Лосева в сторону.

– Артур Оскарович, может, коньячку? Посидите в салоне, выпьете. Посадка прошла идеально, а эту техническую проблему мы сейчас мигом устраним.

– Сколько времени потребуется на устранение?

– Полчасика.

Я думала олигарх сейчас взорвется, однако он вдруг смягчился и грустно посмотрел на Началову.

– Не поверишь, Рита, однако я что-то подобное предполагал, словно накануне во сне видел. У меня важная встреча, срочное подписание многомиллиардного контракта, подумал, не буду ждать правительственный рейс, полечу авиакомпанией своей бывшей жены, сэкономлю время и нервы, а получилось все наоборот. Признайся, ты специально все подстроила, чтобы насолить мне! Конечно, бог знает что теперь президенту доложат. Скажут, что, мол, вы ему поручили, а он опоздал. Наверное, зазнался...

– Артур, успокойся, зайка!.. Я ничего не подстраивала, а

на борту случается всякое. Разве президент не знает, разве он сам никогда не опаздывал из-за технических сбоев?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.